

Надежда Сподарец,
кандидат филологических наук, доцент
кафедры мировой литературы

Одесского национального университета имени И.И. Мечникова

ПРОБЛЕМА МОДЕРНИЗМА В ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ДИСКУРСАХ РУСИСТОВ И УКРАИНИСТОВ

В последние десятилетия русисты и украинисты активно разрабатывают проблематику, связанную с литературным процессом конца XIX- начала XX века, в котором значимое место занимали писатели-модернисты. Прделана большая работа по восстановлению литературной жизни эпохи и творческого наследия знаковых художников слова этого периода и тех, кто рассматривается в статусе второго ряда.

Обратим внимание: литературоведческая идентификация модернизма в русистике и украинистике постсоветского времени разворачивается как научные практики, автономные в своих теоретико-методологических основаниях. Что определило такую дискурсивную разновекторность в национальных литературоведческих школах, обращенных к проблематике модернизма? Какие тенденции и перспективы просматриваются в их разработках? Эти вопросы из области истории науки и ее теоретико-методологических обоснований являются центральными в нашей статье. Ответ, очевидно, связан не только с методологией современных исследований модернизма, но и с форматом типологической самоидентификации русской и украинской литератур

порубежъя XIX и XX века, какой в данном случае стал фактором формирования научных традиций национальных школ литературоведения.

Напомним, что в конце XIX- начале XX века модернизация русской и украинской литературн протекала в режиме асинхронии, характеризовалась несовпадением структурной организации литературного процесса, да и ряда аксиологических приоритетов творческого сознания разнонациональных писателей. И это, как представляется, сразу же означилось в дискурсе литературоведческой концептуализации а категоризации данной проблемы.

В Москве и Петербурге литературная деятельность сторонников новой поэтической культуры на всех этапах ее становления с 90-х годов XIX века по 10-е включительно XX века была связана с формой работы кружков и объединений (старших и младших символистов, акмеистов и футуристов). В их манифестах декларировался аксиологический канон, которому так или иначе следовали адепты. При этом сами же поэты, часто выступая первыми критиками собратьев по перу. В их литературных портретах – доминирующем жанре эпохи, в оценочную точку зрения, наряду с индивидуально-характерным, включались и аксиологические показатели направления. Этот принцип оценки, априори подразумевающий и актуализирующий связь писателей с эстетикой и поэтикой символизма, акмеизма или футуризма, задал продуктивный дискурсивный формат не только в критике, но и в последующем литературоведении, которое вплоть до начала нашего столетия в академических изданиях при характеристике литературы Серебряного века опиралось на направленный подход.

На Украине в начале XX века тоже формировались литературные группировки и издания ("**Молодая Муза**", "**Украинская хата**" и другие), объединявшие творческую молодежь в ее порыве к обновлению

поэтической культуры. Они во многом способствовали модернизации литературы, формированию художественного сознания нового типа, но направленные программы в варианте концептуальных для русской литературы символистских или акмеистических решений здесь не были сформированы. **Соломия Павлычко** в позиции сторонников этих группировок видела больше модерности, чем литературного модернизма, который связывала в первую очередь с творчеством Ольги Кобылянской, Владимира Винниченка и др. [27]. Творчество ранних украинских писателей-модернистов отличалось активным использованием приемов символизации, мифопоэтики, импрессионистского и экспрессионистского письма. В 10-е годы проявились футуристические и неоклассицистские группировки, системно деклариовавшие свои эстетические программы, поэтому и деятельность их адептов в литературоведении сразу же, как правило, рассматривалась в контексте парадигматики этих направлений, но только до конца 20-х годов, когда в 1925 году в журнале "Жизнь и революция" № 10 на Украине была напечатана статья **О. Дорошенка** "До історії модернізму в Україні" -- научно, а не политически мотивированная версия концептуализации модернизма в украинской литературе.

В советской же русистике и украинистике в дальнейшем системно не разрабатывалась концепция литературного модернизма, так как понятие связывалось с областью значений и ценностей, не актуальных и даже чуждых официальной идеологии. В работах исследователей, как правило, номинация "литературный модернизм" не характеризовалась терминологической конкретностью и художественно-эстетической отнесенностью.

Но не будем забывать и о том, что многие страницы советского литературоведения были написаны очень талантливыми филологами и

вошли в золотой фонд мировой науки о литературе. Относительно Серебряного века – в первую очередь назовем разработки московско-тартусской школы и их последователей, вышедших к типологическим характеристикам литературного символизма на основах структурно-семиотического и семантического анализа. Показательны в этом плане работы **З. Г. Минц** [22]. Акмеизм и футуризм как целостные литературные явления до 90-х годов XX века в типологическом формате практически не исследованы. Это можно сказать и об украинистике: в поле зрения советских литературоведов оказались только отдельные украинские писатели рубежа XIX и XX веков, начало творчества которых так или иначе выражало модернистские интенции, но при оценке их творчества эти характеристики, как правило, опускались (например, М. Рыльский, П. Тычина и др.).

Анализ работ зарубежной русистики по проблемам литературного модернизма Серебряного века развернут нами в ранее опубликованных статьях [25], [26], [27] и др. В данном исследовании сделаем резюмирующее заключение по этому вопросу. Западное литературоведение в первую очередь обращалось к показателям поэтики творчества и микропоэтики произведений отдельных русских писателей-модернистов. Этот научный опыт формировался при апробации разных литературоведческих методологий и методик. Западная русистика по проблематике Серебряного века в целом характеризуется масштабностью исследовательских практик, заложивших продуктивные традиции ряда научных школ. В аспекте типологического изучения наследия писателей-модернистов перспективными для русистики стали и разработки школы **Кирилла Тарановского**, славистов загребской школы во главе с **Александром Флаккером**, американской школы славистов **Джона Мальмстада**,

Итоговой для всего европейского литературоведения можно считать и книгу **«История русской литературы: XX век: Серебряный век»**. В предисловии к русскоязычному изданию этого фундаментального коллективного исследования отмечено: «Впервые русский литературный процесс ... воссоздается вне каких-либо идеологических схем, в его целостности, сохранив при этом подлинную дифференциацию, не имеющую ничего общего с той, которую навязывала партийно-государственная идеология» [11, с. 6].

Книга включает работы европейских русистов, представляющих разные научные школы, но при этом всех их отличает интерес к широкому фактографическому материалу культурной и литературной жизни эпохи: литература рассматривалась в контексте других видов искусства порубежья. Именно эта книга, в которой впервые системно обращено внимание на фактор культурного пространства эпохи, иллюстрировала новые методологические приоритеты и перспективы исследования литературы в переходной культурной ситуации. Сегодня можно заключить: эта коллективная монография стала первым опытом обращения литературоведения к культурологическому подходу при изучении такой сложной литературной эпохи, как Серебряный век. Вместе с тем, методологический плюрализм и разновекторность литературоведческих подходов обусловили научную панорамность книги, а при типологических характеристиках литературного и культурного процесса -- бессистемность (вернее – произвольность) базового категориального ряда. Но широкая культурная и литературная фактография данного исследования, глубокая филологическая аналитичность отдельных ее статей позволяют

читателю сформировать целостное представление о ценностных приоритетах культурного и, в частности, литературного сознания эпохи порубежья.

В России и на Украине **80 -- 90-е годы прошлого века** ознаменовались постепенным отказом научной мысли от *реализмоцентристской концепции литературного процесса* вообще, конца XIX -- начала XX века, в частности, и, соответственно, новыми подходами к художественному наследию писателей-модернистов.

В постсоветской русистике исследователи творчества писателей-модернистов Серебряного века продолжали традицию анализа в *локальной систематике типологических показателей направлений*, но основания для заключений уже связывали с *областью эстетики и поэтики символизма, акмеизма и футуризма*. В силу видовой многоаспектности деятельности писателей-модернистов (издательской, редакционной, литературно-критической и др.) и жанрового многообразия их литературного творчества, исследовательский опыт в литературоведении набирался сегментно. Например, **В. А. Сарычев** в работе "Эстетика русского модернизма: проблема житнетворчества" при типологической характеристике литературного модернизма ограничился оценкой творчества младосимволистов и кубофутуристов [34].

С **начала 90-х** понятие «модернизм» постепенно входило в филологический дискурс многих исследователей, обращённых к литературному процессу конца XIX -- начала XX века. Но функционирование данного понятия в качестве типологической категории литературоведения усложнялось неразработанностью теоретико-методологических обоснований, соответствующих новой гуманитарной парадигме. Это не

позволяло конкретизировать концептуально-семантическое поле понятия «модернизм» и в историко-литературоведческом дискурсе.

В 1992 году была опубликована статья **М. Л. Гаспарова** «Антиномичность поэтики русского модернизма» [6], которая для русистики тех лет, да и для последующих литературоведческих практик по проблематике литературного модернизма во многом стала ориентиром в выработке новых концептуальных подходов к явлению. Приоритетным для ученого был фактор формообразования в литературе. Закономерно, что в данной статье М. А. Гаспаров, руководствуясь своим основным методологическим принципом – от формы к интенции, типологию русского модернизма представил в парадигме категории стиля, констатируя несколько линий поэтикального диалога стиха русских модернистов с предшествующей традицией. Концептуально-методологический потенциал статьи ученого не ограничивается рамками стилевого анализа литературного наследия русских поэтов-модернистов. В новом для академической науки значении артикулировалось само понятие «поэтический модернизм в России», аналитика которого, не ограничиваясь областью идеологем, переключалась на область поэтики.

Системные концептуальные исследования по типологии поэтического модернизма, интегрировавшие широкий научный опыт, но методологически и терминологически тяготеющие к разработкам М. А. Гаспарова, в русистике появились уже в перестроечные годы. И здесь в первую очередь назовем докторские работы **О. А. Клинга** и **Н. Ю. Грякаловой**, обобщивших масштабный творческий опыт русских модернистов в системе отдельных типологических категорий исторической поэтики, на которые обратил внимание М. А. Гаспаров. Динамику поэтики литературного модернизма О. А. Клинг конкретизировал на

уровне показателей стилевых парадигм символизма, акмеизма и футуризма [14]. В 2010 году несколько дополненная диссертационная работа ученого, актуальная как концепцией, так и методологией исследования, была представлена монографией «Влияние символизма на постсимволистскую поэзию в России 1910-х годов (проблемы поэтики)» [15].

В диссертации Н. Ю. Грякаловой «От символизма к авангарду. Опыт символизма и русская литература 1910-1920-х годов (Поэтика. Жизнетворчество. Историософия)» «в аспекте описательной типологии» также была поднята проблема отношений символизма и авангарда с целью воссоздания «логики их внутренней идейной и эстетической эволюции» [7]. Методологически новаторским в диссертации является ракурс охвата материала, когда проблема рецепции символизма в русской литературе 1910-1920 годов рассматривается на трех уровнях – на уровне поэтики, жизнетворчества и историософии.

Во второй половине 90 - х изучение проблематики и поэтики модернизма становится одним из приоритетных направлений в постсоветской русистике. Работы **А. П. Авраменко, Н. А. Богомолова, Б. М. Гаспарова, Н. Ю. Грякаловой, Л. К. Долгополова, О. А. Клинга, Л. А. Колобаева, А. В. Лаврова, Л. А. Ореховой, Л. А. Смирнова, В. Н. Топорова, Т. В. Цивьян** и других талантливых литературоведов 90-х, обращённых к творчеству русских писателей-модернистов, отличает показательное единство историко-литературного подхода и теоретико-методологического поиска, в отдельных же исследованиях просматривается и стремление к установлению типологии в свете сравнительной поэтики.

Среди исследований украинских русистов 90-х годов, значимым и сегодня остается научное наследие одесского литературоведа **С. П. Ильева**, разработавшего продуктивную литературоведческую методологию

типологического изучения творчества русских модернистов вообще и символистов, в частности. Осмысление поэтологической неоднородности явлений прозы символистов привело ученого к обоснованию феномена символистского романа, разработке его типологических признаков. Этой проблеме была посвящена докторская диссертация "Поэтика русского символистского романа", успешно защищенная в 1991 году. Ее сокращенный вариант стал основой монографии "Русский символистский роман: аспекты поэтики" [9]. После работы С. П. Ильева представители разных филологических школ в Украине, России, Западной Европе, Америке продолжили исследовательскую работу в контексте его теоретико-методологической концепции [3], [30].

Квалифицированные исследовательские практики филологов 90-х годов отличает пристальное внимание к художественно-эстетической природе рассматриваемых объектов и, соответственно, установление типологических закономерностей на этом уровне. Но можно говорить и о новых тенденциях: в отдельных форматах индивидуального литературоведческого дискурса просматривается ориентация на антропоцентрическую гуманитарную методологию, набирающую все большую актуальность в научном сознании конца XX - начала XXI века. В проблемно-тематическое поле филологического анализа 90-х попадает *проблема автора, героя произведения, субъектная сфера текста и др.* Творческое наследие писателей-модернистов по сравнению с предшествующей литературной эпохой отличается качественно новым концептуально-функциональным статусом автора, что закономерно ориентировало историков литературы 90-х годов на постановку и решение вопроса типологических критериев и характеристик на этом уровне.

Так, в докторских работах и монографиях **Л. А. Колобаевой** [16], **Л. А. Ореховой** [26] творчество русских писателей рубежа веков рассмотрено в аспекте персонологических показателей: авторского мировоззрения и мировосприятия, мифотворческих компонентов авторского мира, образа автора, системы персонажей и др.

В ряде работ конца XX века, обращенных к проблематике Серебряного века, объектом изучения становятся и отдельные литературные группировки, школы, направления, в эстетических программах и художественной практике адептов которых формировались новые типологические признаки литературы.

«Первую историю русского символизма, охватившую все аспекты феномена русской культуры – поэзию, прозу, живопись, философию» [28] в 1998 году в русском издании представила **Аврил Пайман** – английская исследовательница, много лет работавшая в России. Свой подход к предмету она определяла «задачей не столько критика, сколько хроникера» : « ... представить идеи, прозаические сочинения и поэзию как творчество живых людей, в определенный период истории, в реальных условиях России того времени» [28, с. 7]. Автор сумела передать «живое ощущение психологической атмосферы времени», сложность жизненных и творческих перипетий знаковых фигур символистского движения.

Многолетний опыт работы с проблематикой литературного процесса России конца XIX -- начала XX века позволил **Л. А. Колобаевой** в монографии «Русский символизм» представить «новую интерпретацию творчества символистов,... опираясь на изучение их поэзии, прозы и отчасти драматургии» [17]. Основания для типологических характеристик русских символистов, тяготеющих к религиозно-метафизическим исканиям (Д.

Мережковский, З. Гиппиус), отличающихся «дионисийским типом» лирики (К. Бальмонт, И. Каменский), онтологическим трагизмом (Ф. Сологуб) или аполлоническим началом (М. Волошин), и др. Л. А. Колобаева находит в процессе скрупулёзного имманентного анализа отдельных текстов, а которых прослеживает широту приемов символизации, мифопоэтики, интертекстуальности.

Свою версию целостного охвата феномена русского символизма как ведущего модернистского направления в междисциплинарном формате предложила **И.Ю. Искржицкая**. Литературоведческий дискурс ее работы «Культурологический аспект литературы русского символизма» определён качественно новой для русскоязычной филологии оценочной опцией, мотивированной актуальностью культурологического подхода к литературному наследию символистов. Методологическое новаторство работы И. Ю. Искржицкой – в общем подходе к литературному объекту, аналитика которого нацелена на «восстановление разорванных структур отечественной культуры» в диахронии и синхронии. Автор подчеркивает мысль «о последовательной преемственности гуманистических ценностей русского и мирового искусства» [10]. Сферой аргументации для исследовательницы становится не только область эстетики и поэтики творчества русских символистов, но общее культурное пространство эпохи конца XIX -- начала XX века, в контексте которого вырабатывались ментальные предпочтения и новаторские пути литературного самосознания.

Анализ работ о литературном символизме позволяет сделать заключение: методология этих исследований во многом проектировалась установками самих писателей-символистов на определенную нормативность эстетики и поэтики отдельных символистских группировок. Стратегия типологических исследований в таком случае, как правило, направлялась на

разработку языка описания, позволяющего в процессе анализа текстов зафиксировать в общих параметрах признаки художественно-эстетической характерности данного направления с постепенным расширением факторов мотивации, особенно ментальных и культурологических.

Если к началу третьего тысячелетия литературоведческая мысль, обращённая к феномену символизма, вышла на ряд взаимодействующих типологических характеристик, сделанных в контексте общепринятой литературоведческой идеи форматности символизма как литературного направления, метода, метаязыка искусства Серебряного века, то исследовательскую методологию и соответственно формат типологического охвата такого литературного явления, как **акмеизм**, в *постсоветской русистике* отличает интенция поиска.

И в западной русистике, известной активностью разработок творчества отдельных представителей акмеистической школы, к этому времени не сформировалась однозначно принятая точка зрения на акмеизм, отвечающая логике исторического становления модернистских направлений и модернистского типа литературы в конце XIX -- начале XX века. Например, **Е. Г. Эткинд** в статье «Кризис символизма и акмеизм», в ряду поэтов, «прямо или косвенно с акмеизмом связанных», называет имена М. Волошина, В. Ходасевича, Н. Недоброво, Г. Шенгели ... советских поэтов С. Маршака, Э. Багрицкого, Н. Тихонова, К. Симонова, В. Рождественского и др.» [40, с. 461]. Здесь, очевидно, сказался, во-первых, опыт фундаментального историка литературы, позволивший Е.Г. Эткинду уловить алгоритм поэтикальных и концептуальных переключек поэтов разных культурных эпох. Во-вторых, такой подход соответствовал и концепции популярной в западной русистике статьи представителей московско-тартуской школы **Ю. И. Левина, Д. М. Сегала, Р. Р. Тименчика, В. Н.**

Топорова, Т. В. Цивьян «Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма» [18], не только связавших акмеизм с типологическим форматом семантической поэтики (ограничив, правда, само явление творчеством О. Мандельштама, А. Ахматовой, Н. Гумилева), но и подчеркнувших продуктивность этой парадигмы для поэтической культуры последующего времени.

В связи с тем, что историками русской литературы не была систематизирована информация фактографического характера по описанию акмеизма -- явления литературного процесса, закономерным выглядят первые научные разработки этого направления, в которых приоритетным оказался *метод историко-литературоведческого описания*.

В 1997 году в России выходит «**первая антология по истории акмеизма**» [2]. В книгу вошли стихи акмеистов (а также широкого акмеистического окружения), их манифесты, полемика вокруг творчества и «живые свидетельства литературного быта». В этом же году украинская исследовательница **О. В. Червинская** и московский литературовед **О. А. Лекманов** в монографических работах представили первые опыты типологического осмысления акмеизма в постсоветской науке. Книгу О. В. Червинской можно назвать энциклопедией культурных и литературных фактов, мнений научной общественности на предмет эпохи Серебряного века и акмеистического движения, которое исследовательница определяет как «синтез» художественных поисков 10-х годов, отражающий «подлинно русский менталитет» [39]. На фоне историко-литературоведческого и культурологического абриса эпохи и фактов акмеистического движения, О. В. Червинская квалифицирует последнее как литературное направление в границах постсимволизма.

Принципиально иной типологический статус акмеизма акцентирует в своих разработках О. А. Лекманов. Им вынесен вердикт: «... претензии шести членов «Цеха» провозгласить новое, наследующее символизм, литературное направление – акмеизм, в целом оказалось не обоснованным, хотя и оставило глубокий след в творчестве этих шести поэтов» [19]. О. А. Лекмановым был поставлен под сомнение не только вывод известных специалистов тартуско-московской школы о принципах «семантической поэтики» адептов акмеистов. В автореферате его докторской работы подчеркнуты следующие положения: «Акмеизм шести стихотворцев не дал особой акмеистической поэтики... Несмотря на то, что творческий диалог между О. Мандельштамом, А. Ахматовой и Н. Гумилевым протекал чрезвычайно интенсивно, но говорить об особой семантической поэтике, объединяющей творчество трех этих стихотворцев, было бы преувеличением. Те принципы семантической поэтики, которые перечислены в работе Ю. И. Левина, Д. М. Сегала, Р. Р. Тименчика, В. Н. Топорова, Т. В. Цивьян, а также – в примыкающих к ней исследованиях, послужили основополагающими для многих русских поэтов XV¹¹¹ – XX в. в.» [21]. Сложившуюся к концу XX века научную ситуацию по изучению проблематики акмеизма можно отнести к разряду конфликта интерпретаций, возникшего на фоне разных методологических оснований исследования. В «Книге об акмеизме» и в докторской работе О. А. Лекманова явно доминировал историко-литературоведческий подход, а столь категоричное заключение поэтикального характера конечно же предполагало системную теоретическую базу исследования и разработку методологии, соответствующей предмету.

По такому пути в изучении акмеизма пошла **Л. Г. Кихней** в работе «Акмеизм: миропонимание и поэтика», где подчеркнуто: «Художественные открытия акмеистов, сама новизна их лирического мышления связана с

формированием новых доминант в философской картине мира». Это определило задачу исследования: «реконструировать акмеистическую картину мира в соответствии с близкими им философско-культурологическими тенденциями эпохи», «скоординировать интегрирующие тенденции акмеистического миропонимания и их поэтику, определить, как связаны новые принципы художественной выразительности, новая структурно-образная организация их лирики с их миро моделью и – шире – с новым характером философско-эстетического мышления эпохи» [13, с. 10-12].

Л. Г. Кихней не ограничивалась принципами структурной поэтики, а включала в научную аналитику и аргументацию экстралитературный слой как фактор контекстуальный, охватывающий область индивидуально-мировоззренческой и эпохально-эпистемологической мотивации. Художественные миры А.Ахматовой, Н. Гумилева, О. Мандельштама прочитаны исследовательницей и в кодах мифопоэтики.

Определенная разновекторность акмеистического движения, отмеченная при историко-фактографической реконструкции, подтверждалась и поэтикальными характеристиками творчества его адептов. Но при этом в русистике укреплялась тенденция к разработке инструментария, позволяющего идентифицировать акмеизм в типологических характеристиках и показателях.

В этом ключе выстраивала свою исследовательскую практику и **Т.А. Пахарева**, прослеживая «состояние акмеистической парадигмы», «модификации ценностных моделей акмеизма в поэзии 2-й половины XX ст.» [29, с. 8]. Широкий опыт работы ученого в пространстве поэтической культуры акмеизма (ее кандидатская диссертация, отличавшаяся новаторской теоретико-методологической концепцией, была посвящена

изучению поэтических мотивов как средства формирования целостности художественной системы Анны Ахматовой, многочисленные статьи по творчеству поэтов-акмеистов) позволил проследить развитие парадигмальных показателей художественной системы акмеизма в «неофициальной» поэзии 50-90 -- х годов. Работа Т. А. Пахаревой стала аргументированным доказательством «жизненности» поэтической культуры акмеизма. Не обращаясь непосредственно к рассмотрению проблемы литературного модернизма, исследовательница включает творчество поэтов-акмеистов в типологический ряд «высокого модернизма».

Многолетняя история изучения литературного процесса конца XIX – начала XX века, пристальное внимание к этому периоду в последнее десятилетие ушедшего века увенчались академическим изданием Института мировой литературы имени А. М. Горького двух книг под названием **«Русская литература рубежа веков (1890 - е – начало 1920 - х годов)»** [33]. Издание вышло под руководством ответственного редактора В.А. Келдыша. Редколлегию составили такие авторитетные исследователи, как Н.А. Богомоллов, И. В. Корецкая, Д. М. Магомедова, А. П. Чудаков. Круг авторов весьма широк: помимо известных специалистов по литературе рубежа веков собственно из ИМЛИ, это и ученые Пушкинского Дома, РГГУ, МГУ, ряда научных школ России, американских и европейских славистических центров. Концепция литературного процесса данной эпохи, как и оценка фактора модернизма в нем, обозначены уже самой структурой представленного материала.

Если предыдущее академическое издание истории русской литературы данного периода строилось исключительно по хронологическому принципу без статей о персоналиях, то в этой работе доминирует персоналогический подход, в ключе которого знаковые фигуры литературы конца XIX -- начала

XX века представлены в монографических статьях итогового научного дискурса. Типологический ряд, в котором рассматривается литературный процесс этого времени, определяется категорией «направление», трактуемой в «расширительном смысле» [33, с. 5] как «литературная общность, подчиняющаяся широким эстетическим началам» [33, с. 4]. Но если концепция реалистического направления и его модификаций (неореализма) оговаривается авторами издания в теоретическом параграфе предисловия работы, то вопрос о модернистском направлении как «литературной общности» даже не поставлен, хотя понятия «модернистское движение», «литературный модернизм», «модернистское направление» активно включены в лексикон статей.

Свою версию «методологически актуального» научного прочтения литературы русского модернизма в монографической, а затем и в докторской диссертационной работе на тему «Русская литература 1890-х – начала 1920-х годов : от декаданса к авангарду», предложила **Е. В. Тырышкина** [38]. Исследование эстетической эволюции поэтического модернизма ею проведено с точки зрения дискурсивного анализа. В данной работе «старший, младший символизм, акмеизм, авангард предстают в виде идеальных конструкторов, соотносимых со своими историко-литературными «прототипами», но более типологически схематизированных» [38, с. 2]. Специфика русского литературного модернизма как эстетически мотивированного дискурса раскрыта Е. В. Тырышкиной в контексте динамических показателей трансцендентного субъективного и трансцендентного объективного. Конкретизацию же теоретической концепции автора находим и в многочисленных статьях, опубликованных до и после защиты диссертации, где развёртываются разные модели анализа отдельных произведений знаковых или еще

малоизученных фигур русского литературного модернизма и авангарда (от В. Маяковского до Р. Ивнева).

В работах по **украинскому литературному модернизму**, не отличавшемуся, как в России, регламентированностью художественно-эстетической парадигматики отдельных литературных направлений, с 90-х годов прошлого века был актуализирован концепт «модернизм». Наиболее продуктивными при филологической идентификации модернизма стали практики его типологического изучения в аспекте **дискурсии, гендера и мифопоэтики**.

В частности, **Тамара Гундорова**, исходя из принципа согласованности семантики и эстетики, семиотики и риторики, актуализировала проблему специфики языкового мышления писателей раннего украинского модернизма, рассматривая при этом модернистскую дискурсию как форму разворачивания мысли и как автономизацию бытия слова [8].

Соломия Павлычко исследование модернизма в украинской литературе проводила с учетом того, что «общий дискурс модернизма включает ряд отдельных дискурсов: европеизма, или западничества (т. к. модернизм как интеллектуальная система всегда ориентирован на Запад), современности (т. к. модернизм соотносит себя в первую очередь со временем), интеллектуализма, антинародничества, индивидуализма, феминизма, снятия культурных табу, особенно в сфере сексуальности, деканонизации, формализма в критике и интереса к формальной стороне произведения и т. д. » [27, с. 22].

На методологию, апробированную в работах Т. И. Гундаревой и С. Д. Павлычко, при изучении проблематики украинской литературы конца XIX - начала XX века во многом ориентировалось и более молодое поколение

литературоведов, обращенное к вопросам типологического и персонологического формата украинского модернизма.

Так, **Я. А. Полищук** первоначально в монографии «Міфологічний горизонт українського модернізму» [31], а затем и в докторской работе обратился к анализу раннего украинского модернизма с позиций мифологической критики и рецептивной эстетики [32]. Исследователь пришел к выводу, что «в дискурсе раннего украинского модернизма особое место принадлежит мифу как уникальному способу трансляции образности и реинтерпретации культурного наследия – как национального, так европейского и мирового. Миф стал одной из главных составляющих формирования оригинальной поэтики модернизма с ее собственными куклами и куклами, видениями и иллюзиями, легендами и утопиями, стереотипами и топосами [32, с. 4-5].

Если в работах русистов, следующих технике мифопрочтения, в поле зрения как правило оказывалось творчество представителей отдельных модернистских направлений, а вопрос о мифологизме литературного модернизма ставился, но в типологической опции литературоведами не решался, то в аналитике Я. А. Полищука в качестве объекта -- весь горизонт украинского литературного модернизма.

Методологическое значение исследования Я. А. Полищука усматриваем и в разработке терминологического инструментария, позволяющего на типологическом уровне обозначить мифологический код украинского модернизма.

Если о раннем украинском модернизме уже можно говорить как об обозначенном концепте литературоведческого дискурса, то «зрелый» его период только в последние годы стал предметом типологического изучения. И здесь назовем работу **Р. В. Мовчан**, в которой украинский литературный

модернизм 20-х годов квалифицируется как «репрезентант национальной модели цивилизационного европейского явления, своеобразный эстетический код модерности украинской нации во всем XX столетии» [23]. Анализ художественных произведений в работе осуществляется в широком контекстуальном поле, при этом выявляются их стилевые доминанты, обозначаются структурно-функциональные особенности.

Продуктивная линия в исследовании украинского литературного модернизма задана и научной практикой **Веры Агеевой**, сосредоточившейся на методологии психоанализа и гендерных теорий. В этом контексте прочитано творчество Леси Украинки: «Поетеса зламу століть. Творчість Лесі Українки в постмодерній інтерпретації» (1999, 2000). В работе «Апологія модерну: обрис XX віку: статті та есеї», творчество ряда знаковых фигур украинского модернизма Вера Агеева также рассматривает в контексте психоаналитических и гендерных подходов [1].

В качестве примера работ последних лет по типологии украинского модернизма назовем и исследование **Анны Билой**, представившей становление символизма, футуризма и сюрреализма в украинской литературе [4], [5]. В книге о символизме абрисно очерчена и история символистского направления в России, дана характеристика эстетическим позициям главных его представителей [4, с. 98-113]. Эти страницы включены А. Билой в общекультурный ряд европейского символизма, на фоне которого и развернута авторская версия проблемного вопроса украинского символизма. Концептуально-методологическая ценность данной работы – в поиске системных показателей, позволяющих связать литературный процесс украинского модернизма с типологически близким рядом европейских направлений и течений. В книге обозначена перспективность сравнительно-типологического изучения процессов

модернизации в разных национальных литературах, но вопрос категориального ряда, позволяющего решить эту задачу, остался открытым.

Анализ историко-литературоведческих работ русистов и украинистов по проблематике литературного модернизма дает основание для констатации исследовательской тенденции к типологическому охвату данного явления в аспекте **взаимодействия показателей ментального, поэтикального и культурологического планов.**

Литература

1. Агеева В. П. Апологія модерну : обрис ХХ віку : статті та есеї / В. П. Агеева. – К. : Грант-Т, 2011. – 408 с.
2. Антология акмеизма : Стихи. Манифесты. Статьи. Заметки. Мемуары : [сборник материалов] / Вступ. статья, сост. и примеч. Т. А. Бек. – М. : Моск. рабочий, 1997. – 367 с.
3. Барковская Н. В. Поэтика символистского романа: [монография] / Н. В. Барковская. – Екатеринбург : УрГУ, 1996. – 287 с.
4. Біла А. Символізм : [наукове видання] / Анна Біла. – К. : Темпора, 2010. – 272 с.
5. Біла А. Футуризм : [наукове видання] / Анна Біла. – К. : Темпора, 2010. – 248 с.
6. Гаспаров М. Л. Антиномичность поэтики русского модернизма / М. Л. Гаспаров. // Связь времен. Проблемы преемственности в русской литературе кон. XIX в. – нач. XX в. : [сб. статей]. -- М. : Наследие, 1992. -- С. 244 -- 266.
7. Грякалова Н. Ю. От символизма к авангарду. Опыт символизма и русская литература 1910-1920-х годов (Поэтика. Жизнетворчество. Историософия) : Дисс ... доктора филологических наук: 10.01.01 — русская литература / Наталия Юрьевна Грякалова. -- СПб. 1998. – 355 с.
8. Гундорова Т. І. Проявлення Слова. Дискурсія раннього українського модернізму. Постмодерна інтерпретація : [монографія] / Т. І. Гундорова. — Львів : Літопис, 1997. -- 300 с.
9. Ильев С. П. Русский символистский роман : [монография] / С. П. Ильев. – Киев : Лыбидь, – 171 с.
10. Искржицкая И. Ю. Культурологический аспект литературы русского символизма: [монография] / И. Ю. Искржицкая. – М. : Российск.

универ. изд-во, – 1997. – 224 с.

11. История русской литературы : XX век : Серебряный век / Под. ред. Жоржа Нива, Ильи Сермана, Витторио Страда и Ефима Эткинда. – М. : «Прогресс» – «Литера», 1995. – 704 с.

12. Келдыш В.А. Русская литература «серебряного века» как сложная целостность / В.А. Келдыш. // Русская литература рубежа веков (1890-1920 годов). – Книга 1. ИМЛИ. -- М. : Наследие, 2000. – С. 13 – 68.

13. Кихней Л.Г. Акмеизм: миропонимание и поэтика: [монография] / Л. Г. Кихней. – М. : МАКС Пресс, 2001. – 184 с.

14. Клинг О. А. Влияние символизма на постсимволистскую поэзию в России 1910-х годов (проблемы поэтики) : Автореф. дисс. ... доктора филологических наук. 10.01.01 – русская литература / Олег Алексеевич Клинг. – М., 1996. -- 49 с.

15. Клинг О. А. Влияние символизма на постсимволистскую поэзию в России 1910-х годов : проблемы поэтики: [монография] / О. А. Клинг. -- М. : Дом-музей Марины Цветаевой, 2010. — 356 с.

16. Колобаева Л. А. Концепция личности в русской литературе рубежа XIX-XX в. в. : монография / Л. А. Колобаева. – М. : Изд-во МГУ, 1990. – 336 с.

17. Колобаева Л. А. Русский символизм : [монография] // Л. А. Колобаева. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2000. – 296 с.

18. Левин Ю.И. Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма / [Russian Literature. Amsterdam, -- 1974. -- № 7/8. -- С. 47- 82.](#) Переиздано: Смерть и бессмертие поэта. Материалы международной научной конференции, посвященной 60-летию со дня гибели О. Э. Мандельштама (Москва, 28-29 декабря 1998 г.). – М. : РГГУ, 2001. – С. 282 - 316.

19. Лекманов О. А. Книга об акмеизме / О. А. Лекманов. // Ученые записки Московского культурологического лица. № 1310. Серия : филология. Выпуск четвертый. – № 3 (98). – М. : Московск. культуролог. лицей, 1997. – 240 с.

20. Лекманов О. А. Книга об акмеизме и другие работы: [сборник] / О. А. Лекманов. – Томск : Водолей, 2000. – 704 с.

21. Лекманов О. А. Акмеизм как литературная школа (опыт структурной характеристики) : Автореф. дисс. ... доктора филологических наук. 10.01.01 – русская литература / Олег Андершанович Лекманов. – М., 2002.-50 с.

22. Минц З. Г. Об эволюции русского символизма. (К постановке вопроса : тезисы) // З. Г. Минц. / Ученые записки Тартуского государственного университета. – Вып. 735. А. Блок и основные тенденции развития литературы начала XX века. Блоковский сборник V11. – Тарту. 1986. – С. 7-24.

23. Мовчан Р. В. Український модернізм 1920-х : портрети в історичному інтер'єрі : [монографія] / Р. В. Мовчан. – К. : ВД «Стилос», 2008. – 544 с.
24. Моклиця М. В. Модернізм як структура. Філософія. Психологія. Поетика : [монографія]. / М. В. Моклиця. -- Луцьк : Вежа, 2002. – 390 с.
25. Моклиця М. В. Модернізм у творчості письменників ХХ століття : [монографія] / М. В. Моклиця. -- Луцьк : Вежа, 1999. -- 154 с.
26. Орехова Л. А. Авторское мифотворчество и русский модернизм (лирическая проза) : [монографія] / Л. А. Орехова. -- Киев : УМК ВО, 1992. -- 122 с.
27. Павличко С. Дискурс модернізму в українській літературі : [монографія] / Соломія Павличко. – К. : Либідь, 1997. -- 360 с.
28. Пайман А. История русского символизма / Авторизованный пер. Пер с англ. В. В. Исакович : [монографія] / Аврил Пайман. – М. : Республика. 1998. – 415 с.
29. Пахарева Т. А. Опыт акмеизма (акмеистическая составляющая современной русской поэзии): [монографія] / Т. А. Пахарева. – К. : Парламентское издательство, 2004. – 312 с.
30. Петрова Г.П. Проза русского символизма : [монографія] / Г.П. Петрова. -- Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2003. – 93 с.
31. Поліщук Я.О. Міфологічний горизонт українського модернізму: [монографія] / Я.О. Поліщук. – Івано-Франківськ: Лілея-НВ, 1998. – 296 с.
32. Поліщук Я. О. Естетика міфу і міфологічний горизонт раннього українського міфологізму: Автореф. Дис. ... доктора філологічних наук: 10.01.01 – українська література, 10.01.06 – теорія літератури. / Ярослав Олексійович Поліщук. – К., 2000. – 32 с.
33. Русская литература рубежа веков (1890-1920 годов). – Книга 1. ИМЛИ. -- М. : Наследие, 2000. – с.
34. Сарычев В. А. Эстетика русского модернизма : Проблема «жизнетворчества» : [монографія] / В.А. Сарычев. – Воронеж : Изд-во Воронежск. ун-та, 1991. – 320 с.
35. Сподарец Н. В. Модернизм как проблемное поле современной гуманитарной мысли. *Статья первая* / Н. В. Сподарец. // Проблемы сучасного літературознавства : [Збірник наукових праць] / Відп. ред. Є. М. Черноіваненко. -- Одеса : Астропринт, 2011. -- Вип. 15. -- С. 52-62.
36. Сподарец Н. В. Модернизм как проблемное поле современной гуманитарной мысли. Литературоведческий дискурс. *Статья вторая* / Н. В. Сподарец. // Проблемы сучасного літературознавства : [Збірник наукових праць] / Відп. ред. Є. М. Черноіваненко. -- Одеса : Астропринт, 2012. -- Вип. 16. -- С. 121- 133.
37. Сподарец Н. В. Модернизм как проблемное поле современной

гуманитарной мысли. Литературоведческий дискурс. *Статья третья.* / Н. В. Сподарец. // Проблемы сучасного літературознавства : [Збірник наукових праць] / Відп. ред. Є. М.Черноіваненко. -- Одеса : Астропринт, 2013. -- Вип. 17. -- С. 57- 66.

38. Тырышкина Е. В. Русская литература 1890-х – начала 1920-х годов: от декаданса к авангарду: [монография] / Е. В. Тырышкина. – Новосибирск : Изд. НГПУ, 2002. – 151 с.

39. Червинская О. В. Акмеизм в контексте Серебряного века и традиции: [монография] / О. В. Червинская. – Черновцы : Alexandru cel Bun ; Рута, 1997. -- 273 с.

40. Эткинд Е. Кризис символизма и акмеизм / Ефим Эткинд. // История русской литературы: XX век: Серебряный век / Под ред. Жоржа Нива, Ильи Сермана и др. . -- М. : «Прогресс» – «Литера», 1995. – С. 460 – 526.